

УДК 82.091

Орехов В.В.

**РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА
КАК ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАКТИКА**

В статье на примере русско-французских отношений в 1813-1814 гг. выявляется, каким образом историческая ситуация влияет на структуру межнациональных отношений и посредством этого предопределяет специфику национального взаимовосприятия в литературе.

Ключевые слова: имагология, межлитературные связи, стереотип

У статті на прикладі російсько-французьких відносин у 1813-1814 рр. з'ясовується, яким чином історична ситуація впливає на структуру міжнародних відносин. Завдяки цьому передбачає специфіку взаємосприйняття в літературі.

Ключові слова: имагологія, міжлітературні зв'язки, стереотип

In the article using the example of Russian-French negotiations in 1813-1814 we can see in what way the historical situation influences the structure of international relationships and by means of it foretells the specific of the national mutual perception in literature.

Key words: imagology, interliterary connections, stereotype

В современной науке вопросы национального взаимовосприятия получили особенно актуальное звучание. Их решение в качестве первоочередной задачи ставит перед собой и литературная компаративистика, сформировавшая для этого специальное направление – *имагологию*. Наиболее авторитетные исследователи в этой области (М.Кадо, Б.Г.Реизов, М.П.Алексеев, Д.С.Наливайко и др.) сходятся в мысли, что серьезное воздействие на специфику национальной рецепции имеют условия исторической ситуации. Цель нашей статьи – выявить на примере русско-французских отношений в 1813-1814 гг., каким образом исторические особенности эпохи влияют на структуру межнациональных отношений и посредством этого предопределяют специфику национальной рецепции в литературе. Среди задач работы – необходимость выявить роль личных контактов в формировании межнациональных отношений, определить поведенческие установки участников межнационального диалога и проследить закономерности отражения этого диалога в литературе.

Военное противостояние между Россией и Францией в начале XIX в. имело то неизбежное следствие, что русские и французские войска «изучали» друг друга не только с точки зрения боевых качеств, но и с позиций национальных особенностей. Под влиянием бурных исторических перемен издавна сложившиеся национальные стереотипы разрушались, а их место занимали новые. В 1812 г. французские военные были склонны видеть в русских лишь «северных варваров», не способных противостоять натиску «цивилизованных» французов. Всего через год русские войска вели победоносные кампании на территории Европы, и отношение к русским резко изменилось. Когда весной 1814 г. русские войска вступили в Париж, в глазах французов русские стали выглядеть спасителями Европы и Франции.

Вступая в столкновение с французами, русские военные, конечно, знали о традиционных представлениях противника о российской армии (скажем, представление о «диких ордах» русских войск). Потому поведение русских выстраивалось с учетом уже существовавших за рубежом национальных мифов: эти мифы либо стремились разрушить, либо воспользоваться ими в своих интересах. Причем эта манипуляция иностранным представлением моделировала определенную поведенческую тактику, осмысление которой вызывало порой противоречие мнений в российской армии.

Так, Д.Давыдов вспоминал, что еще эпоху, предшествующую Тильзитскому миру, в арьергард отступающей русской армии прибыло несколько башкирских полков, вооруженных «луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых». «Эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников присланы были в арьергард, – пояснял Давыдов, – <...> с намерением вселить в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его. <...> Я не спорю, что при вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей <...> тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, их наружность, их обычаи, их необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение <...>. Но после поражения под Фридрихсдорфом, но при отступлении к Неману <...> как можно было охмелять себя несбыточными надеждами! <...> Французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом <...>» [5, с. 234-235].

Таким образом, европейские походы начала XIX в. стали для русской армии известной «школой» игры национальных стереотипом. Сам Давыдов, умудренный боевым опытом, в 1813 г. вполне осознанно использовал европейские стереотипы в интересах престижа русских войск. «Вступив в Германию и командуя передовыми войсками авангарда <...>, – вспоминал он позднее, – я не переменял моего варварского наряда, как называли его тогда <...>: немцы, видя мой казачий наряд и слыша, что я говорю по-французски, получили выгодное представление о нашем образовании, которое проникало даже в

народы, почитаемые ими до встречи со мною людоедами. Это мнение я старался поддерживать всеми средствами <...>. Они говорили: если казак не касается имущества нашего, если он обходительнее и ласковее французского маршала, то что же должны быть начальники регулярных русских войск, вслед за ними идущих? Они потому ожидали их с восторгом, нетерпением и радушием, как друзей и избавителей (курсив мой. – В.О.)» [6, с. 100].

Кстати скажем, что расчет Давыдова на казацкую экзотику вполне оправдался. Казаки стали самым притягательным зрелищем для парижан в 1814 г. Казаки, «купавшие своих лошадей в Сене» и «пасшие своих лошадей на Елисейских Полях», превратились в трафаретный образ французской литературы и изобразительного искусства [2]. Что касается калмыков и башкир, которые участвовали во всех крупных сражениях [12], то их уж слишком экзотическая конница не произвела на европейцев благоприятного впечатления. Их описания порой встречаются во французских мемуарах, но обычно – с чувством удивления, вызванного видом вооруженных луками людей, идущих в атаку против пушек. Говорим это не для того, чтобы умалить заслуги башкирских и калмыцких воинов, а с целью проиллюстрировать, каким бывает результат неверного расчета на стереотипы противника.

После занятия Парижа, когда русская армия начала входить в круг мирной жизни и постоянного общения с гражданским населением, вопросы русско-французского взаимовосприятия приобрели главенствующее значение. С первых шагов по улицам Парижа русские военные ощутили себя в центре всеобщего интереса и удивления, вызванного несовпадением внешнего облика победителей с ожиданиями зрителей. К.Н.Батюшков писал Гнедичу о вступлении в Париж: «В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы, отчего они длинны? «В Париже их носят короче. Артист Dulong вас обстрижет по моде». «И так хорошо», – говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на руке. Видно, и в России носят кольца. Мундир очень прост! C'est le bon genre! (Это весьма благородно! – В.О.) Какая длинная лошадь! <...> Какие длинные пушки, – длиннее наших. Ah, bon Dieu, quel Calmouk!» (О, боже правый, какой калмык! – В.О.) <...> «Какие у него белые волосы!» «От снегу», – ответил старик, пожимая плечами» [1, с. 272].

Русские активно интересовались реакцией парижан. «Разговаривая с француженками, – рассказывает И.Лажечников, – спросили мы их: что они думают о северных варварах? – «Узнав вашего императора, – отвечала одна из них (самая любезнейшая), – узнав вас, государи мои, надобно признаться, что нас заставляли ужасно ошибаться на счет ваш. Мы раскрываем теперь глаза и видим ясно, что север может дать югу уроки милости, скромности и любезности». Ответ лестный для русских, тем более лестный, что он сказан при первом знакомстве нашем с парижанами!» [8, с. 238]

До сих пор мнение французов о русских было известно в России из путевых заметок иностранцев и зарубежной прессы, из суждений эмигрантов и со слов побывавших в Париже соотечественников. Теперь русские военные получили возможность не только познакомиться с этим мнением лично, без посредников, но и целенаправленно влиять на представление французов о русских, *выстраивать* собственный имидж. Поэтому не будет преувеличением сказать, что Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии и особенно вступление в Париж – самый масштабный акт ответной рецепции, предпринятый русским обществом, а с ним – и литературой.

Хотя русская армия вступала в Париж дважды (в 1814 и 1815 гг.), а с 1815 по 1818 г. на территории Франции постоянно находился тридцатитысячный корпус под командованием М.С.Воронцова, совершенно разрушить французские стереотипы русским, разумеется, не удалось – как невозможно в принципе совершенно разрушить национальный стереотип. Однако существенно повлиять на французское представление о России русские военные все же смогли [4]. Для нас важен даже не результат этого влияния и не его масштабы, а то, какую школу прошло российское общество и русская литература на пути *реконструкции* своего национального имиджа в глазах французов. Подобно тому, как декабристы во время заграничных походов усвоили уроки либерализма, образованная часть российской армии вынесла из военных походов обостренный интерес к французскому мнению о России, уверенность в необходимости оказывать на это мнение влияние и вырабатывать соответствующую поведенческую тактику. Появились попытки сбора литературных суждений французов о России. Генерал-майор кн. С.Г.Волконский (будущий декабрист) сообщал 2 января 1815 г. из Парижа П.Д.Киселеву (будущему послу в Париже 1856-1862 гг.): «Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас» [7, с. 210]. А уже в конце 1815 г. директор Императорской публичной библиотеки А.Н.Оленин настаивал на необходимости создания фонда «иностранных сочинений, касающихся до России, и особенно тех из них, кои относятся к знаменитой войне 1812, 1813 и 1814 годов» [10, с. 8].

Опыт российской «ответной рецепции» 1812-1814 гг. привнес в русскую литературу специфические приемы, образы и мотивы, функционирование которых мы предлагаем проследить на примере лишь двух произведений: повести Н.Бестужева «Русский в Париже 1814 года» и автобиографических записок Н.И.Лорера. Герой Бестужева – офицер Глинский, дошедший до Парижа с российскими войсками и

переживающий те же впечатления, что и все русские военные. Некоторые из этих впечатлений принадлежат непосредственно к области «ответной рецепции». Так, при вступлении в Париж Глинский наблюдал восторг французов. Автор акцентирует внимание на том, что уже первый взгляд парижан на русскую армию противоречил известному представлению о русских: «<...> Русские, которых они нашли вовсе не такими, как воображали; стройность их полков, блестящая щеголеватость офицеров, говоривших с жителями их языком, красота русского царя, миролюбивые его намерения, кротость в войсках, какой не ожидали – все это было так внезапно для парижан, так противоположно тому, что они привыкли воображать, что появление союзников в стенах столицы стало для побежденных таким же торжеством, как и для победителей. <...> Русские более всех внушали энтузиазма: <...> необыкновенная точность и правильность их движений <...> изумляла французов. Они не верили, чтоб северные варвары и людоеды были так красивы <...>» [3, с. 170-172].

Российских военных ждали месяцы парижской жизни, и офицерам российской армии предстояло представить себя в образованном обществе. Глинский квартирует в доме маркиза Бонжелена и с первых слов знакомства сталкивается с одним из устойчивых (на сей раз позитивных) представлений европейцев о России, поскольку маркиз говорит: «С этой минуты вы узнаете, могут ли французы равняться с вами, русскими, в гостеприимстве, о котором так говорят много» [3, с. 175]. Представляясь дочери и супруге маркиза, Глинский сам обозначает свою дальнейшую роль в отношении к французским стереотипам и учтиво убеждает дам, «что постарается своим поведением разуверить их в предубеждении, которое вообще все французы имели против русских» [3, с. 190].

«Развеивать предубеждения» Глинскому пришлось сразу же – за обедом в доме маркиза в присутствии гостей из парижского бомонда. Бестужев психологически точно изобразил положение русского офицера в парижской среде: французов интересует прежде всего то, что в наружности и поведении Глинского противоречит стереотипу. Они с готовностью отказываются от устойчивых убеждений в отношении русских. «Маркиза, – замечает автор, – <...> ожидавшая увидеть русского как редкость, на которую надо смотреть издали, обманутая совершенно в своих ожиданиях, не переставала спрашивать и не знала меры удивлению. Любопытство ее было пробуждено; оно служило ей, так сказать, микроскопом, в котором видела все неожиданные качества молодого человека в увеличенном виде» [3, с. 192].

Такое отношение к русскому было вызвано уникальностью исторической ситуации. «Энтузиазм, внушаемый императором Александром, – сообщает автор, – необыкновенные события и желание узнать ближе варваров Севера, бывших причиной их событий, – все это доходило до неистовства между французами. Они не могли опомниться от удивления, глядя на русских, которых представляли бородатыми чудовищами, и видя их людьми, которые были столь же учтивы и вежливы, как и они, часто красивее и молодцеватее их щеголей и большей частью образованнее, чем сии последние» [3, с. 192].

Легко понять, что, оказавшись «диковинкою дня», Глинский ощущал себя представителем России, по словам и действиям которого будут судить обо всех русских: «<...> Все добивались поговорить с прекрасным варваром, сделать ему какой-нибудь вопрос, и, когда один оттеснял другого, этот отступал, чтобы толковать по-своему полученный ответ» [3, с. 192]. Характерно и то, что Глинскому не приходилось долго дожидаться реакции собеседников. Вольно и невольно Глинский *корректировал* русский имидж и ощущал это, поскольку «во всех концах залы раздавалось “Как он красив! Какие волосы!”» [3, с. 192]. «До ушей Глинского доходили похвалы и рассуждения о его особе. “Как он вежлив”, – говорил один, “он отвечал, как надобно”, – повторял другой <...>» [3, с. 195]. Вопросы касались прежде всего «земли и обычаев русских» [3, с. 194], и офицер должен был рассказывать, «как веселятся в России, есть ли какая-нибудь зелень возле Петербурга, есть ли у русских воскресенья». Он выдержал «целый экзамен во французской литературе» [3, с. 196]. «Вы примирили меня с русскими», – заявил наконец Глинскому даже бонапартист Дюбуа, и это высший, в глазах автора, показатель успеха его героя.

Допустим, эмоциональные восклицания при первом знакомстве – еще не свидетельство серьезных перемен во мнениях, складывавшихся десятилетиями. Реформация традиционных убеждений идет через хладнокровный анализ. Именно такую осмысленную борьбу с собственным стереотипом представляют рассуждения графини де Серваль. Она прочит Глинского в женихи кухне своего погибшего (в сражении с русскими) мужа, мысленно перебирает достоинства Глинского, но все же испытывает неуверенность: «Однако, если б не жестокая зима в его отечестве! если б он не русский? – но как я странна! Все еще предубеждение мое сильно. Разве я не вижу теперь своими глазами, что русские не варвары. Этот Глинский образован, оригинален, его свободная ловкость нравится мне более изнеженных ухваток наших молодых людей» [3, с. 201]. В итоге Глинскому удалось-таки разрушить все предубеждения относительно русских, причем так основательно, что в семье маркиза он принят как желанный жених, и сама неприступная графиня де Серваль, а не ее дальняя родственница, стала его супругой.

В повести есть и другие примеры французских стереотипов. Так, маркиз Бонжелень, увидев, что Глинский пишет письмо, восклицает: «<...> Я думал, что вы пишете от правой руки к левой». «Вы хотели сказать, – уточняет Глинский, – что мы пишем, как татары?». На это маркиз, желая быть деликатным,

подыскивает ответ: «Да... Нет!.. я хотел сказать: как все восточные народы» [3, с. 218]. В другом случае кормилица расспрашивает графиню де Серваль, «как русские молятся, как понимает бог, что говорят они ему на варварском своем языке; и как можно быть священником с бородою?» [3, с. 267]. Однако эти иллюстрации французского стереотипа уже не играют существенной роли в развитии сюжета.

Зададимся вопросом, зачем Н.Бестужев ввел в повествование развернутый и логически последовательный мотив преодоления главным героем французских национальных стереотипов? Ведь для основной сюжетной линии (развитие привязанности между Глинским и графиней де Серваль) было достаточно лишь мельком упомянуть о том, как несовпадение личных качеств Глинского с традиционными представлениями о русских привлекло внимание графини, как постепенно боролась она с национальным предубеждением. Зачем понадобились дополнительные, развернутые, иногда дублирующие друг друга сцены, где Глинский старается воздействовать на мнение широкого круга парижан? Зачем понадобились цитированные выше иронические зарисовки «французских стереотипов», как бы не идущие к делу? Вопросы эти тем более обоснованны, что сам Н.Бестужев ни в 1814, ни в 1815 г. в Париже не был, повесть писал на каторге, на Петровском заводе (начал работу в 1831 г. и вносил поправки до 1840 г.). Мог ли он верно оценить представительскую роль русского офицера в парижском обществе?

Отвечая на вопросы, напомним, что, во-первых, Н.Бестужев, морской офицер, все же бывал в нескольких европейских странах, дважды – во Франции. Значит, не только был знаком с французским восприятием русских, но и умел соразмерять собственные высказывания и поведение во время заграничных походов с этим восприятием. Во-вторых, основанием для повести послужил рассказ декабриста Н.И. Лорера, который был в 1814 г. в Париже и стал прототипом Глинского. Любопытно, что Н.И.Лорер в 1857 г. и сам опубликовал рассказ о своей парижской истории, озаглавив его – «Из воспоминаний русского офицера». Сравнивая повесть Бестужева с биографическим повествованием Лорера, замечаем, что, с одной стороны, Бестужев во многих местах почти буквально передал рассказ Лорера (известный ему в устном изложении), с другой – значительно расширил тему личного воздействия русского офицера на мнение парижан о России.

Почти все упоминания Лорера о своей «представительской» роли русского в парижском кругу сводятся к тому, что он стремился произвести благоприятное впечатление в первую очередь на графиню Цецилию (прототип графини де Серваль) и ее родителей – графа и графиню Буежелен (у Бестужева – Бонжелень), у которых был на постое. Готовясь к знакомству с дамами, он, подобно Глинскому, обозначил цель предстоящего общения. «Я начал одеваться, – вспоминает Лорер, – и никогда так не старался одеться как можно лучше: надел мундир, эполеты, белые перчатки, чтоб представиться как можно приличнее графине, чтоб она и дочь увидели и поняли русского порядочного человека» [9, с. 319]. А вот обед, устроенный графом в честь знакомства с Лорером. Вспомним, как подробно описывал Бестужев старание Глинского благорасположить к русским парижское общество в совершенно аналогичной ситуации. У Лорера вместо того лаконичная запись: «Все слушали меня с любопытством, когда я рассказывал им о своей далекой России, о нравах и обычаях русских» [9, с. 320].

Развитию взаимной симпатии Лорера и графини во многом способствовал «обновленный имидж русского». «К графине Цецилии <...>, – признается Лорер, – я был вовсе не равнодушен; она это замечала, она видела хорошо, что я не варвар-вандал, и, узнав меня (так заносчиво мое самолюбие!), она, кажется, полюбила вообще всех русских. <...> Усмехаясь, она мне повторяла, что все мы русские – оригиналы, и что в откровенности нашего характера есть что-то рыцарское, и что мы умеем горячо любить, несмотря на то, что мы жители холодного севера» [9, с. 320]. Лорер и в дальнейшем использовал русский экзотизм, в первую очередь чтобы развлечь или заинтересовать исключительно графиню Цецилию. Он рассказывает ей о праздновании Пасхи в России и убеждает похристосоваться с ним по-русски. Он добивается для нее возможности присутствовать на богослужении в придворной церкви и видеть там императора Александра (ситуации, воспроизведенные в повести Бестужева). Оставшись наедине с графиней, рассказывает о своем «любезном отечестве» и своем семействе, а она слушает его «с живым любопытством» [9, с. 331]. Очевидно, что Лорера интересовало прежде всего мнение графини; об отношении к нему прочих парижан он заботился гораздо менее, охарактеризовал его немногословно, но впечатляюще: «Три месяца простояла гвардия в Париже тихо и покойно. Париж и в особенности парижанки были в восхищении от нас» [9, с. 334].

Зачем же понадобилось Бестужеву, который во многих случаях буквально следовал за рассказом Лорера, конструировать дополнительные ситуации и показывать своего героя в контексте французского общественного мнения? Отчасти это можно объяснить романтизмом бестужевской повести, характерным для начала века мелодраматизмом. Так, Бестужев вводит в повесть эпизод с французским солдатом, которому помогает Глинский, зачем-то стремясь сохранить инкогнито; создает в мелодраматическом духе развязку отношений героя и героини. Но, думается, роль русских военных в парижском обществе 1814 г. Бестужев описал довольно точно. В подтверждение можно привести много мемуарных свидетельств о том, как по офицерам русской армии французы судили обо всех русских. Но самым объективным видится

свидетельство Стендаля, который не имел оснований лстыть недавним противникам – русским. 26 мая 1814 г. Стендаль случайно оказался во Французском театре рядом с молодым русским офицером, и вот его впечатление: «Если бы я был женщиной, я последовал бы за ним на край света. Какая разница между каким-нибудь французом и моим офицером! Какая естественность, какая нежность у этого последнего! <...> Какой французский офицер мог бы сравниться с моим естественностью, соединенной с великодушием?» [11, с. 161].

Нужно полагать, Бестужев не только исторически верно осмыслил влияние русских военных на общественное мнение парижан. Русское обаяние Глинского в парижском кругу было, скорее всего, типизированным экстрактом из рассказов участников событий. Лорер не уделил внимания подобным эпизодам, потому что имел иную, в отличие от Бестужева, цель: передал наиболее яркие *личные* впечатления, среди которых привязанность к графине Цецилии явно затмевала прочие. А Н.Бестужев сделал акцент на историческом фоне сюжета, что и отразилось в названии повести «Русский в Париже в 1814 году». Замечательной особенностью исторического фона как раз было то, что русские в уникальной ситуации массового пребывания в *чужой* стране активно реформировали свой национальный имидж. Кроме того, Лорер не мог позволить себе распространяться о личных победах в парижском свете. Зато герой Бестужева, пусть идеализированный, должен был восприниматься читателем как образец русского офицера, прошедшего кампании 1812, 1813 и 1814 гг. Отложив оружие, он в Париже продолжает защищать престиж России.

Характерно, что – по этой логике – некоторые позднейшие защитники российского престижа от зарубежных нападок в литературе настойчиво напоминали о своем участии в войне против Наполеона. П.А.Вяземский, например, издав в 1855 г. брошюру, защищавшую Россию от нападков в европейской прессе, подписал ее: «Русский ветеран 1812 года». Точно так же А.Гаряйнов, выступавший после Крымской войны против суждений о России французского историка Тьера, называл себя «Человеком 1812 года».

Таким образом, анализ исторической ситуации и ее воздействия на русскую литературу позволяет нам сделать вывод, что эпоха 1813-1815 гг. дала русскому обществу уникальную возможность выстраивать свой национальный имидж в *прямом общении* с французами. С этого времени в русской литературе начал формироваться тип защитника российского имиджа перед лицом европейских, и в частности французских, предубеждений, активизировалось осмысление тактики воздействия на французские представления о России.

Источники и литература

1. Батюшков К.Н. Сочинения. В 2-х т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1989.
2. Безотосный В. Казаки в Париже. Акварельная серия Георга Опица // Родина. – 2002. – №8. – С. 83-85.
3. Бестужев Н.А. Избранная проза. – М.: Сов. Россия, 1983.
4. Губина М.В. Особенности образа России в сознании французских современников в 1814-1818 годах // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 153-162.
5. Давыдов Д.В. Сочинения. – М.: Худ. лит., 1962.
6. Давыдов Д.В. Соч. В 3-х тт. – Т. 3. Проза. Письма. – СПб., 1893.
7. К чести России. Из частной переписки 1812 года. – М., 1988.
8. Лажечников И. Походные записки русского офицера. – СПб, 1820.
9. Лорер Н.И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984.
10. Михеева Г.В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // «Бессмертное отделение “Россика”». Материалы научной конференции 14 января 2000 г. – СПб.: РНБ, 2000. – С. 8-18.
11. Реизов Б.Г. Русские эпизоды в творчестве Стендаля // Реизов Б.Г. Историко-литературные исследования. – Л., 1991. – С. 156-196.
12. Фарфоровский С.В. Война 1812 г. и калмыки // Русский архив. – 1913. – Кн. I. – №1. – С. 112-115.

Поступила в редакцию 13.07.2005 г.